

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИВАЛЕНІИ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕКАРХИАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

МАРТА 1-ГО № 5. 1869 ГОДА.

— *Содержаніе.* — Михаила Пселла похвальное слово Симеону Метафрасту. — Слово въ недѣлю мясопустную.

Михаила Пселла (1) похвальное слово св.
Симеону Метафрасту.

Желая восхвалить великаго и по жизни и по писаніямъ Симеона, коего имя и дѣла прославляются во всей вселенной, я недоумѣваю, какими словами восхвалить его, или что изъ всего сказать, чтобъ составить причинное похвальное слово. Ибо сей мужъ не только краснорѣчіемъ утрашался, обладалъ умомъ плодовитѣйшимъ и языкомъ, не по подобію теченія ила, не чрезъ длинные промежутки времени, а ежедневно источавшимъ потоки слова и обильно орошавшимъ: но и нравственнымъ совершенствомъ, и всѣми добродѣтелями стяжалъ себѣ славу, и былъ примѣромъ для желавшихъ вести жизнь честную и умѣренную.

---

(1) Михайль пселль, риторъ и философъ, процвѣталъ во времена Константина мономаха (1042-1054) и... Романа Диогена (1068-1071), императоровъ греческихъ (Allatii: de Simeonum scriptis, pag. 69 ctal).

Сего знаменитаго мужа, кстати можно сказать, произвелъ Константинополь, градъ первенствующій и прекраснѣйшій изъ градовъ, перваго и, такъ сказать, прекраснѣйшаго молитвенника о градѣ. Давши ему рожденіе отъ себя и почтивши его такимъ происхожденіемъ, Константинополь и самъ взаимно получилъ честь въ томъ, что возрастилъ мужа, который одинъ доволенъ предоставить ему преимущество предъ прочими городами. И честь, отъ него заимствованная, больше и знатнѣе прежней: тогда превосходилъ прочіе города красотою, на подобіе какого нибудь райскаго мѣста, превосходными окрестностями и обширностію; а послѣ чрезъ св. Симеона, затмилъ и цвѣтами возвращенныхъ у себя добродѣтелей. Такъ что, хотя бы не былъ онъ сначала ни чѣмъ украшенъ, достаточно бы было сего дивнаго сына, чтобъ онъ могъ состязаться въ славѣ съ знаменитѣйшими городами.

Отъ самаго, можно бы сказать, рожденія, когда еще только пробивались волосы, онъ обнаруживалъ несравненные и чрезвычайныя способности, подобно какъ львенки показываютъ тотчасъ по рожденіи гордый видъ и частую гриву. По тому что и тогда уже распускались у него цвѣты разумнія: онъ имѣлъ въ себѣ нѣкоторый глубокой корень пронизательности и умъ его показывалъ нѣчто чрезвычайное. Для другихъ и этого было бы довольно, а въ немъ было только предначертаніемъ имѣющаго быть усовершенія его естественныхъ качествъ. Ибо какъ деревья, которыя, при помощи не большаго попеченія объ нихъ, производятъ плоды не по естеству своему, если еще имѣютъ какое нибудь орошеніе, то дѣлаются еще прекраснѣе и величественнѣе: такъ и въ немъ естественныя способности были доступны развитію и быстро росли. По этому онъ по своей волѣ началъ учиться у ритора, а къ философіи прилѣпился отъ глубины души, всѣми своими чувствами и помышленіями.

Послѣ того, какъ проникъ въ школы философскія, и оттуда получилъ нѣкоторыя основныя начала въ пособіе къ обрѣтенію искомаго, тотчасъ отсталъ и поднялся на высоту, и при руководствѣ лучей обрѣлъ солнце; или, такъ сказать, отъ солнца началъ присматриваться къ лучамъ, частію изъ послѣдующаго догадываясь о первоначальномъ, а частію отъ первыхъ началъ заключая о вто-

рыхъ по естеству. И зная, что совершенство природы нашей украшено двумя вещами—произведеніями ума и потоками слова, и что изъ предшествовавшихъ ему людей мудрыхъ одни усовершенствовали умъ философіею, а другіе очистили языкъ искусствомъ краснорѣчія, и что, кромѣ одного или двухъ, остальные занимались тѣмъ и другимъ; у однихъ языкъ частыми епихеремами (силлогизмами) стремился на подобіе рѣки, другіе прославились высотой мыслей, такъ что сіи были почти невѣждами въ краснорѣчіи, а тѣ далеки были отъ совершеннѣйшаго разумнѣя: онъ избралъ средину между тѣми и другими, сдѣлался чѣмъ-то связующимъ тѣхъ и другихъ. Онъ приспособлялъ языкъ къ мысли и къ словамъ прилагалъ мысль; къ искусству краснорѣчія присоединялъ философію, чтобъ имѣть дѣйствительнѣйшее и выразительнѣйшее вліяніе; возвышая искусство философіею и соразмѣряя то и другое сдѣлалъ, можно сказать, мысль словесною и слово мыслительнымъ.

Философствовалъ онъ съ нравственною убѣдительностію и ораторствовалъ съ глубиною философа; въ томъ и другомъ родѣ былъ онъ равно способенъ. И какъ философъ, не пренебрегалъ онъ предметами гражданскими, зная, что и на нихъ есть печать философіи, и какъ ораторъ, неотрицался знанія, необольщался однимъ искусствомъ краснѣ говорить.

По этому казался онъ какъ бы нѣкоторымъ свѣтильникомъ, возженнымъ въ Византіи и поставленнымъ на высокое мѣсто, нѣкоторымъ пламенемъ въ воздухѣ, свѣтящимъ для всѣхъ городовъ. И мѣсто его жительства было какъ бы нѣкій звѣздный міръ, блистающій всякимъ родомъ ученія, и посредствомъ одного свѣтильника частію озаряло всю вселенную, частію, кромѣ собственно такъ наз. свѣта, украшало ее и другимъ блескомъ.

И то чудно, и еще болѣе возбуждаетъ къ нему удивленіе, что такимъ онъ сдѣлался, когда былъ знатнаго рода, происходилъ отъ знаменитой фамиліи, обладалъ большимъ богатствомъ и всѣмъ тѣмъ, что человѣка дѣлаетъ лѣнивѣйшимъ къ занятію науками. И тогда какъ многіе философію и краснорѣчіе употребляютъ въ средство къ приобрѣтенію богатствъ, не для того, чтобъ познавать лучшее, но чтобъ, занимаясь, обиловать суетою, онъ вѣ-

шіе дары счастья употребилъ въ пособіе философіи. По этому не подражалъ онъ ни философамъ, которые проводили жизнь въ праздности, ни ораторамъ, которые чрезъ чуръ многими вещами занимались. Ибо одни, какъ бы ослѣпленные безмѣрнымъ свѣтомъ, тотчасъ закрыли глаза для лучей философіи и не провели добродѣтели въ дѣятельность, да и ученіемъ не воспользовались приличнымъ образомъ, не были правителями городовъ и ученія своего не преподавали публично, въ слухъ всѣхъ, но только растиди длинныя бороды, какъ пустую солому, и внѣшнюю производили непріятное впечатлѣніе.

Другіе, когда и ненужно было, шатались по площадямъ и позволяли себѣ невоздержность и наглость въ рѣчахъ; иные жили въ бочкахъ, не простирая далѣе своихъ требованій. Иные, опять, провели свою жизнь въ діалектическихъ словопрѣвннхъ, а другіе въ исканіи основъ природы (естества), вводя въ жизнь бесполезныя противорѣчія и споры: и таковы были весьма многіе ораторы. Разумное искусство послужило для нихъ поводомъ къ неразумію. Тогда какъ имъ слѣдовало заняться и разсуждать о полезномъ для общества, они, частію выдумывая сами, частію возобновляя забытое, вводили въ жизнь много вреднаго.

Но св. Симеонъ не таковъ былъ, далекъ былъ отъ нихъ! Не перемѣняя одежды, не уменьшая нисколько приличной роскоши, не безчестя своего рода подобными нововведеніями, онъ не запутывалъ гражданскихъ дѣлъ своими выдумками или выдумками другихъ, и не напрасно ораторствовалъ: знатностію рода воспользовался онъ, какъ пособіемъ къ благодѣваніямъ, а добродѣтелию, которой научился, какъ средствомъ къ блеску и высокимъ достоинствамъ. Потому что, любимый царями, онъ пользовался величайшимъ довѣріемъ ихъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, такъ что, за свою разумность, удостоился стоять близъ царскаго престола, и по знанію дѣлъ получалъ участіе въ управленіи государствомъ.

И во первыхъ онъ завѣдывалъ секретнѣйшими дѣлами и участвовалъ съ императорами въ тайныхъ совѣщаніяхъ; довѣріе къ нему было такъ велико, что и императору докладывалъ онъ донесенія отъвиѣ и передавалъ другимъ повелія императора, и былъ какъ бы надежною

связію управленія тайными дѣлами и правительственными распоряженіями. И тогда какъ солнце обращается частію у насъ, частію въ другомъ мѣстѣ, онъ весь былъ занятъ и при императорѣ, и дѣлами. Какъ выше сказано, обладалъ онъ умомъ оборотливымъ и ко всякимъ дѣламъ способнымъ, такъ что и могъ предвидѣть и посовѣтывать, и исполнить предначертанія; и варваровъ, однихъ отражалъ отъ предѣловъ римскихъ, иныхъ и побѣждалъ войною или искусствомъ, приводилъ къ покорности цѣлыя народы, умѣлъ пользоваться и временемъ, и обстоятельствомъ: измѣнялъ, что требовало переменъ, дѣламъ нововведенія, когда это полезно было, оставлялъ въ томъ же видѣ, что признавалъ хорошимъ.

И при всемъ томъ, былъ онъ человекъ благорасположенный и пріятный; и при всей вѣжливости, языкъ и мысль его умѣрялись надлежащимъ образомъ, были выдержаны. Одѣваясь великолѣпно, имѣя прекрасный видъ и походку, онъ и обращеніе имѣлъ пріятное: внушалъ довѣренность къ себѣ, былъ доступенъ и разговорчивъ и тѣмъ самымъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Кромѣ того, былъ и щедръ, и рукою его управляли богатство и добрая воля. Рука его всегда была открыта, и желающій могъ брать изъ нея, какъ изъ текучей рѣки. Таковъ былъ этотъ великій мужъ!

Оказалъ онъ нѣкоторыя услуги и въ отношеніи къ тому, что утверждаетъ нашу вѣру. Онъ—таковы (но отъ чего я не говорю лучше и не обращаю рѣчи на важнѣйшее изъ его дѣлъ? И такъ буду говорить о главномъ, опустивши то, о чомъ слѣдовало бы сказать прежде.)

По истинѣ, знамениты подвиги мучениковъ противъ враговъ, частію видимыхъ, частію не видимыхъ. И какъ не знамениты? имѣли они преславное мужество и дерзновеніе, мысль неодолимую, отбѣкали всякія страсти и привязанности, стояли выше естества, небрегли объ отрубленныхъ и отторженныхъ членахъ, и наконецъ презирали самую жизнь. Не менѣе просіяла и жизнь подвижниковъ—монаховъ; по тому что и здѣсь есть умерщвленіе плоти, отверженіе удовольствій тѣмъ, въ чомъ не нужно искать удовольствія, удаленіе отъ міра, приближеніе къ Богу, еще живя въ тѣлѣ, борьба съ прирожденными намъ слабостями и страстями, и съ тѣми, какія насылаются намъ отъ

внѣ, отъ духовъ лукавыхъ. Славны житія и тѣхъ, и другихъ; таковы они были, таковы, конечно, будутъ и впредь, хотя и не съясностію намъ вѣдомо воздаяніе имъ. Въ таинственныхъ книгахъ, которыя въ будущемъ воскресеніи прочтуть ангелы, точно обозначены ихъ страданія и подвиги; а тѣ, кои прежде сего блаженнаго мужа, описывали дѣянія ихъ, не изобразили достойнымъ образомъ величія ихъ. Но частію и выдумывали коечто объ нихъ, частію же, не въ состояніи будучи слагать рѣчь, соотвѣтственную дѣламъ ихъ, слишкомъ просто и безъ похвалы описали доброе житіе ихъ, ни положивши доброй мысли въ основаніе своего писанія, ни украсивши его приличными словами и выраженіями; не обратили они вниманія ни на точное представленіе жестокости мучителей, ни на благородіе мучениковъ въ отвѣтахъ своихъ. Даже и подвижничество монаховъ они искажали, обдуманная дѣла ихъ выставя происходившими просто, и какъ случится, какъ бы безъ цѣли.

Отсюда происходило, что иные даже нетерпѣли и простаго чтенія письменныхъ памятниковъ, а для иныхъ сказанія ихъ служили поводомъ къ насмѣшкамъ. Отсутствіе изящества рѣчи, непослѣдовательность и нелѣпость мыслей, бѣдность выражений скорѣе отталкивали отъ содержанія, чѣмъ привлекали къ нему; изъ—за погрѣшностей писателей чудная борьба и побѣды слугъ христовыхъ у насъ выходили смѣшными представленіями (бѣсѣдѣю). И почти всѣ явно порицали эти описанія; а составить вмѣсто ихъ лучшія не пришло въ голову однимъ по нерадѣнію, а другіе отказывались по трудности этого занятія, для окончанія коего недоставало бы и всей жизни человѣческой; желавшимъ это сдѣлать не доставало силъ, а могшимъ—усердія и воли. Не такъ думалъ и поступилъ чудный Симеонъ: но когда, сначала соглашаясь съ ними даже до порицанія написаннаго, сталъ болѣе вникать, то съ юношескимъ жаромъ принялся за дѣло и благополучно выполнилъ трудъ, который никому не удавался, за который онъ сталъ знаменитѣе всѣхъ людей образованныхъ, и посвятилъ Богу то, что лучше всего. И мученическія страданія и подвиги, и воздержаніе и терпѣніе монаховъ онъ прекрасно изобразилъ и уяснилъ, и, показав-

ши къ нимъ столько усердія и влеченія, взаимно отъ всѣхъ стяжалъ благодарность.

И что бы можно сравнить съ подобнымъ трудомъ? Какія изслѣдованія о греч. древностяхъ, или объ обширныхъ пространствахъ вселенной? И съ описываемыми дѣлами какія знаменитыя происшествія въ исторіи персовъ, или древнѣе сихъ-вавилонянъ? а равно и послѣ-подвиги храбраго Александра Македонскаго? — потому что стараніемъ писателей и это все изображено выпреннимъ словомъ, красивымъ слогомъ и увлекательно. И уже потому одному, что въ этихъ сочиненіяхъ плавная рѣчь, многіе дорожатъ ими и читаютъ ихъ. А написанное симъ благороднымъ мужемъ съ приличнымъ украшеніемъ слова о мученикахъ и другихъ подвижникахъ вдвойнѣ заслуживаетъ вниманія — важно, и какъ образецъ слога, и какъ прекраснѣйшіе образцы жизни и нравовъ. Укажу и на третіе достоинство писаній его, то-есть, даже выше исторій мучениковъ и подвижниковъ написанныя имъ слова о святыхъ евангелистахъ, сложенныя съ величайшимъ изяществомъ и высотой. Избраніе такого предмета для занятій свидѣтельствуетъ о разсудительности его; и употребленіе такихъ мнѣній, выводовъ и выраженій, которыя согласны съ истиною и вытекаютъ изъ самаго дѣла, также указываетъ на мудрость его. А особенно свидѣтельствуетъ о его мудрости умѣніе приспособиться ко времени описываемыхъ происшествій и войти въ довѣріе слушателей.

Но, говоря объ этомъ подробнѣе, долженъ сказать, что я не знаю, какъ творенія сего мужа не весьма изучаются ни тѣми, которые заботятся болѣе о краснорѣчій языка, ни тѣми, которые свое занятіе поставляютъ въ математикѣ, равно какъ и преданными изученію природы — потому что для нихъ не видно родовъ слова, ни ясно представлены фигуры рѣчи (*σχηματισμοί τῶν λόγων*), нѣтъ постановки и рѣшенія какого-нибудь вопроса о жизни природы, ни доказательствъ посредствомъ линій съ мудреными названіями, ни философскихъ мнѣній, въ которыхъ предметъ представляется съ высшей точки зрѣнія. Сверхъ мѣры преданныя мудрости желалибъ, чтобъ все писалось для хвастовства и на показъ, а не для пользы и исправ-

ленія нравовъ. Но я не говорю, что и писанія сего мужа не лишены ни одного изъ требуемыхъ ими принадлежностей сочиненія: только, поелику писалъ онъ не по тщеславію, то онъ и не часты, и не тотчасъ съ начала, и не вездѣ, и не во всѣхъ твореніяхъ; но когда самый предметъ давалъ поводъ къ тому, онъ, воспользовавшись требованіями и приемами рѣчи, возвращался опять къ предположенной цѣли. Потому что рѣчь его имѣетъ цѣлю не искусственное и площадное словоизвитіе, не хитрое представленіе обыденныхъ вещей, не теорію линій или глубочайшее разумѣніе чиселъ. Въ область занятій его не входили ни небесныя перемѣны, или какъ неподвижный (для глаза) міръ относится къ звѣздамъ блуждающимъ (планетамъ); не толковалъ онъ ни о согласныхъ, ни о полугласныхъ, ни о сочетаніи ихъ для благозвучія. Все это къ его предмету не относится, хотя и этимъ иногда пользовался въ приличныхъ мѣстахъ. За то онъ вездѣ держится истины и повѣствуетъ безъ примѣси лжи. Знакомъ онъ былъ со многими родами рѣчи, но пользовался тѣмъ, который пригоденъ былъ и для учоныхъ, и для необразованныхъ слушателей. Тѣмъ и другимъ по этому нравился онъ: потому что плавностію и красотою рѣчи привлекалъ образованнаго слушателя и нѣкоторымъ образомъ услаждалъ его, доставлялъ ему удовольствіе; а ясностію и содержательностію рѣчи привлекалъ вниманіе и людей необразованныхъ. Тѣхъ и другихъ, опять, заохочивалъ и увлекалъ краткостію и убѣдительностію.

И я (чтобъ непоказаться скрывающимъ правду), конечно, знаю, что есть многіе лучшіе роды рѣчи, — разумно сочиненія совершеннѣйшихъ ораторовъ, которыхъ нельзя ставить въ непремѣнный образецъ и примѣръ всѣмъ, по причинѣ превосходнаго благозвучія и плавности рѣчи: но никакъ недумаю и незнаю, чтобы кто-либо когда нибудь приспособилъ къ изложенію избраннаго имъ (Семеономъ) предмета форму рѣчи превосходнѣе. И хотя бы кто изъ людей, отличающихся слогаемъ и выразительною мыслію, взялся за тотъ же предметъ и сдѣлалъ рѣчь болѣе обработанною, все-таки, по моему мнѣнію, его рѣчь еще не была бы такъ соотвѣтственна и удовлетворительна для слушателей. Уже и начальныя слова (проѣрма) его сочине-

ній тотчасъ касаются предмета, и дальнѣйшее продолженіе показываетъ цѣль сочиненія; а въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, послѣ общаго краткаго взгляда на предметъ, онъ раздѣляетъ его на части и приспособляется какъ къ лицамъ, такъ и къ обстоятельствамъ событій. Вездѣ одни и тѣже украшенія рѣчи и одно свойство выраженій (*φράσεις*), но приемы неодинаковы и разнообразны, можно бы сказать—искусственны, но такъ, что не искусство владѣть предметами, а съ предметомъ излагаемымъ соображается искусство. Обращая вниманіе на древнѣйшія сказанія, какъ на образцы, онъ неотстываетъ отъ нихъ, чтобы неказаться производящимъ что-то иное, и къ лежащему предъ нимъ образцу примѣняетъ образъ рѣчи, не переимчивая содержанія, а только исправляя погрѣбности извѣстій, и не вводилъ чего новаго въ мысли сочиненій, а только преобразовывалъ форму выраженія. При множествѣ и обилии предметовъ повѣствованія, при разнообразіи содержанія, рѣчь у него не спутывается, не въ безпорядкѣ: какъ наилучшей кормчій онъ, и при напорѣ волнъ, оставался покойнымъ и самымъ искуснымъ образомъ управлялъ рулемъ

Въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ описываетъ и отечество (*πατρίδα*) восхваляемыхъ, съ показаніемъ особенностей его и характерныхъ принадлежностей; говоритъ нѣчто и о рѣкахъ, разсуждаетъ объ истокахъ ихъ, объ удобствахъ городовъ, о состояніяхъ климатическихъ и временахъ года, хотя люди съ нечуткимъ ухомъ и необразованнымъ слухомъ не обращаютъ на это вниманія. И въ сочиненіяхъ своихъ онъ разнообразенъ: индѣ разсуждаетъ съ живостію и горячестію, а въ другихъ мѣстахъ тихо и покойнѣе. А въ пріятности разсказовъ кого можно-бъ сравнить съ нимъ? Кто поспорить съ нимъ въ расположеніи и порядкѣ рѣчи? Кто—въ равномерномъ сочетаніи и плавности? —Желалъ бы и я сказать, что его рѣчь не величественна и не витіевата: но нахожу, что въ его писаніяхъ нѣтъ недостатка и въ этомъ; пот. что въ нѣкоторыхъ есть обиліе рѣчи, а въ большей части—есть важность сужденія и замѣтно остроуміе. Предположивши себѣ двѣ дороги—твердость мучениковъ и постоянство монаховъ въ подвижничествѣ, онъ течетъ по той и другой не съ быстротою ногъ, но съ

скоростію рѣчи; и особенно, пробѣгая поприще монашеское, онъ является нѣкоторымъ образомъ сильнѣе и крѣпче себя самаго. Истинно, приводитъ онъ въ упоеніе, когда его рѣчь востекаетъ на горы, или нисходитъ въ пещеры, или представляетъ подвижника подъ сосною или какимъ дубомъ, съ недорогою естественною пищею изъ растѣній и питьемъ изъ источниковъ. Такого рода рассказы онъ украшаетъ цвѣтистыми выраженіями и изящно вѣнчаетъ, можно сказать, розами и происходившее давно какъ бы нагляднымъ дѣлаетъ. Удивляюсь этому мужу за такую цвѣтистость и пріятность не менѣе, какъ и потому, что онъ хорошо воспользовался своимъ предметомъ. Потому что, хотя я пишу много и многихъ, но ихъ творенія незаслуживаютъ ни такой похвалы, ни подражанія. Людямъ ученымъ онѣ, можетъ быть, и покажутся достойными изученія и подражанія по причинѣ изящества выраженій и разнообразія фигуръ слова: а большинство пренебрежетъ ими, потому что непридаетъ важности спорнымъ вопросамъ и слишкомъ выпренимъ разсужденіямъ.

Говорятъ еще, что онъ не охотно принялся за это дѣло, ни самъ себѣ предположилъ сдѣлать столько, сколько достаётъ воли; но побудили его къ тому просьбы императора ²⁾ и тѣхъ, которые заботились объ ученіи и образованіи. Все ему было приготовлено: немалое число лицъ, которые прямо записывали устную диктовку его, и тѣхъ, которые занимались перепискою; и тѣ, и другіе работали въ одно время; кромѣ того были еще люди, которые разсматривали переписанное, чтобы то, что укрывалось отъ вниманія переписчиковъ, исправлять и давать ему надлежащій смыслъ, такъ какъ по причинѣ множества писаній самому Симеону нельзя было просматривать и перечитывать ихъ. Но хоть много было труда, много хлопотъ и заботъ: всходъ далеко превзошелъ ожиданія сѣявшаго и вышло такое обиліе жатвы, какого и донинѣ неимѣется. Посему, хотя бы ничего другаго не сдѣлалъ этотъ мужъ, если даже не брать въ расчетъ всего прочаго, что и по

²⁾ т. е. императора *Льва Философа* (886—912); трудъ... оконченъ уже въ старости, во время императора Романа 2-го (959—963). *Allat. de Simeonum scriptis*, pag. 49.

одиночку доставляетъ ему похвалу — но уже одно то, что онъ взялся за такое дѣло и съ такимъ успѣхомъ совершилъ его, и безъ другаго всего достаточно къ прославленію его.

Я, впрочемъ, не хочу и сравнивать его труды съ писаніями вѣдшихъ мудрецовъ. Ибо что, если одни изъ нихъ составляли панаѳенейскія рѣчи (*παναθηναϊκὰ*³⁾, другіе великолѣпнымъ слогомъ описали борьбу целопонезцевъ и аѳинянъ?—иные писали въ защиту риторовъ, а тѣ противъ риторовъ? Конечно, въ нихъ есть обиліе красотъ рѣчи, но польза небольшая и ничтожная. Не хотѣлъ бы я къ нимъ приравнивать своего раторборца; а еслибъ позволили мнѣ, то я назвалъ бы его достойнымъ стать близъ потрудившихся въ написаніи евангелія и изъясненіи глубокихъ тайнъ Слова. У кого цѣли одинаковы, у тѣхъ и начала сходны; и если у тѣхъ и у него цѣлю писаній есть спасеніе душъ, то почему бы и основанія неравны?—а лучше сказать, почему бы они не были участниками равнаго воздаянія? Какихъ вѣнцовъ и наградъ за мужество не удостоится сей чудный мръжъ?—а лучше сказать, какихъ не удостоился, когда пришолъ къ Богу и вступилъ въ лики тѣхъ, коихъ дѣла и жизнь описалъ? Потому что особенно при концѣ обнаружилъ, какую жизнь самъ велъ. Видѣвшіе говорятъ, что умиралъ онъ не въ слабости и безпокойствѣ, но какъ бы разрѣшаясь отъ узъ, съ свѣтлымъ лицомъ, ожидая руководителей ангеловъ и какъ бы передавая себя въ руки ихъ, чтобы скоро разлучиться съ тѣломъ.

И когда онъ умеръ, тотчасъ все вокругъ исполнилось благоуханія; и не тогда только, и не въ третій день, но и на многіе послѣдующіе дни, доколѣ онъ одинъ лежалъ во гробѣ. И это мѣсто, можетъ быть, постоянно издавало бы благовоніе, еслибы нѣкоторые, въ грубомъ неуваженіи, непомѣстили близъ него другаго трупа. Какъ только этотъ трупъ коснулся великаго мужа, тотчасъ остановился потокъ благовонія. Но это чудо, о лучшей и образованнѣй-

³⁾ Рѣчи, говоренныя публично, во время народныхъ собраній въ Аѳинахъ по случаю торжествъ.

щій изъ людей! весьма показываетъ твою чистоту и святость; потому что и безъ того у тебя довольно свидѣтельство о совершенствѣ добродѣтели.

Будь же милостивъ и ко мнѣ, если я не собралъ, какъ слѣдовало, всѣхъ чертъ твоего добродѣтельного житія, не изъ всѣхъ благъ твоихъ сопелъъ вънець хвалы, и не положи на мнѣ гнѣва за ошибки и пропуски мои! Но милостиво вспомни о томъ, что я написалъ, если только это достойно чистѣйшихъ и святѣйшихъ душъ во Христвъ Иисусъ, Господь Нашемъ, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь и держава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

29 июля
1865.

Пер. Гер. Арс.

С Л О В О

въ недѣлю мясопустную.

Въ настоящій день Святая Церковь воспоминаетъ будущій страшный судъ Христовъ и тѣмъ видимо побуждаетъ насъ къ покаянію и сердечному сокрушенію о грѣхахъ; раскрывая предъ нами, въ Евангеліи, поразительную картину втораго пришествія Господня на землю, она хочетъ тѣмъ возбудить въ сердцахъ нашемъ чувство благоговѣйнаго страха и глубокаго умиленія.—Соображаясь съ намѣреніемъ и желаніемъ Св. Церкви, побесѣдуемъ, бр., о семъ страшномъ судѣ Христовомъ, въ душевную пользу и въ сердечное назиданіе наше!—

Нѣкогда, въ день, въ который мы и не чаемъ, въ часъ, въ который и не воображаемъ, откроется въ мірѣ семъ великое и страшное зрѣлище, какого ни прежде отъ начала міра не было, ни послѣ никогда не будетъ: вострубитъ надъ всею вселенною сильная труба Архангела и, по гласу ея, какъ мертвые возстанутъ изъ гробовъ своихъ, такъ и живые, въ мгновеніе ока, измѣнятся, и всѣ соберутся отъ четырехъ концевъ земли предъ судилище

Христово; немедленно за трубою Архангела огненная рѣка обьетъ и освѣтитъ вселенную; тогда въ одно мгновеніе вся природа содрогнется, солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, источники изсушатся, горы воздымятся; тогда столпы небесныя восколеблются, основанія земли потрясутся и всѣ силы небесныя подвигнутся; не вообразимый страхъ и ужасъ овладѣютъ всеми! Среди такого страшнаго и вмѣстѣ величественнаго зрѣлища отверзутся небеса, и съ силою великою, и славою многою явится Царь царствующихъ, истинный Сынъ Божій, *судити вселенный и воздати комуждо по дѣломъ его*,— явится подобно той страшной молніи, которая нисходитъ отъ востока и блистаетъ до запада; отъ страха и трепета предъ Нимъ небеса совьются яко свитокъ! Ахъ! страшенъ, бр., будетъ день тотъ! Кто не убоится и не вострепещетъ при томъ грозномъ и поразительномъ явленіи, когда небеса съ шумомъ, съ оглушительнымъ трескомъ прейдуть, стихіи, раскалившись, растаютъ; земля и все на ней, какъ огненная лава, будетъ пламенѣть? (2 Петр. 3. 10.) Если теперь, при яркомъ сіяніи и осажденіи молніи, при звучномъ раскатѣ грома, мы не вольно приходимъ въ ужасъ и часто падаемъ на землю: то какъ устоимъ тогда, при видѣ повсюду окружающаго насъ, ярко пламенѣющаго огненнаго потока и при гласѣ трубы, которая возгремитъ съ неба сильнѣе всякаго грома? Ангелы, не содѣлавшіе ни какого грѣха, по существу и по природѣ своей чистые и святые, помышляютъ о томъ днѣ со страхомъ и трепетомъ: какъ же намъ, грѣшникамъ, не бояться того страшнаго и по истинѣ необычнаго дня! Но слушайте, бр., что будетъ далѣе!—

Когда, облеченный превысшею славою и окруженный небеснымъ воинствомъ, Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, какъ Судія вселенной, возсядетъ на престолѣ: въ одно мгновеніе всѣ праведники и

грѣшники, въ страхѣ и ужасѣ, предстануть предъ Него на судъ; тутъ же раскроются и тѣ страшныя книги, въ которыхъ записаны всѣ наши дѣла, слова и помышленія; каждый изъ насъ увидитъ предъ собою всѣ дѣла свои, какъ добрыя, такъ и злыя; ни какое праздное слово, сказанное нами теперь, — при жизни, не погибнетъ и само собою явится и предстанетъ тогда намъ; никакая сокровеннѣйшая мысль сердечная не избѣгнетъ и не сокроется тогда отъ насъ: все, что въ теченіе цѣлой жизни, мы дѣлали, говорили и помышляли, все это само собою предстанетъ тогда намъ и будетъ при насъ. И благо будетъ намъ, если все это обряцется предъ очами Божиими чисто и свято; но горе и тяжкое горе постигнетъ насъ, если всѣ дѣла, слова и помышленія наши окажутся предъ Богомъ грѣховною нечистотою и мерзостію; стыдъ покроетъ преступныя ланиты наши, горестъ и скорбь уязвятъ сердца наши, когда всѣ срамныя дѣла, всѣ постыдныя страсти наши обнаружатся предъ несмѣтнымъ числомъ свидѣтелей, — предъ цѣлымъ свѣтомъ; но этого мало: подобно пастырю, Судія міра отдѣлитъ овецъ отъ козлищъ и всѣхъ праведниковъ поставитъ одесную Себе, а насъ — грѣшниковъ — какъ непотребныхъ козлищъ — ошуюю; потомъ, обратясь къ праведнымъ, въ награду за ихъ милосердіе, подвиги и добродѣтели, скажетъ имъ: *придите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе Божіе отъ сложенія міра*; наконецъ, въ грозномъ видѣ речетъ и всѣмъ грѣшникамъ: *отыдите отъ Мене, проклятии въ оныя вѣчныя, уготованныя дьяволу и аггеломъ его!* О, какой страхъ, какой ужасъ нападеть тогда на всѣхъ грѣшниковъ! Напрасны будутъ въ то время всѣ ихъ оправданія и извиненія. Тщетны останутся всѣ ихъ желанія и ожиданія чужой помощи! Никто и ничто не поможетъ тогда имъ. Объятые мракомъ, тяжело восплачутся и возрыдаютъ

они о томъ, что все время жизни своей провели въ безпечности и нерадѣніи о душѣ своей, въ безумномъ смѣхѣ и гнусномъ жестокосердіи: но этотъ плачь, но это рыданіе уже ни сколько не облегчатъ тогда горькой доли ихъ. Праведный Судія скажетъ имъ: «какъ вы другихъ не миловали, такъ и Я теперь не помилую васъ; какъ вы прежде не слушали гласа Моего, такъ и Я нынѣ не послушаю вашихъ рыданій; какъ прежде вы постоянно, даже въ церкви, среди Богослуженія смѣялись; такъ теперь плачьте и рыдайте. Вы не служили Миѣ: алчущаго не напители, жаждущаго не напоили, нагаго не одѣли, болящаго не посѣтили, — вы работали и служили другому господину, — діаволу: посему отыдите отъ Мене, дѣлатели неправды!» Тогда съ невыразимою горестію въ сердцѣ, съ тяжкими слезами на глазахъ, съ мрачнымъ уныніемъ и отчаяніемъ въ духѣ грѣшники *взыщутъ смерти, и не обрящутъ ея; возжелаютъ умерти, и убьютъ отъ нихъ смерть;* (Апок. 2, 6.) тогда всѣ они пойдутъ на мѣсто мученія, пойдутъ туда, гдѣ вѣчный плачь и скрежетъ зубомъ, гдѣ червь не умираетъ и огонь никогда не угасаетъ: *пойдутъ си въ муку вѣчную, а праведницы въ животъ вѣчный.* —

Видите, бр., какъ тяжекъ, какъ грозенъ и по истинѣ страшенъ для всѣхъ будетъ оный послѣдній день міра! Начало его въ собственномъ смыслѣ страшно, продолженіе — еще страшнѣе, а конецъ превосходитъ всякое описаніе страха! Благочестивые и праведные мужи съ горестію и со слезами воспоминали объ ужасахъ онаго страшнаго дня и страхомъ его предостерегали и спасали себя отъ всякихъ грѣховныхъ искушеній. Пророкъ Давидъ, помышляя о грозномъ днѣ страшнаго суда Божія, всегда ощущалъ въ душѣ своей сильное смущеніе; каждую ночь омывалъ постель свою горькими слезами и, во умиле-
ніи духа, молился Господу Богу: Господи! *не види*

въ судъ съ работъ Твоимъ, не требуй отъ меня отчета въ моей жизни: я не имѣю никакого оправданія предъ Тобою, а потому умоляю Твою благость, — не вниди въ судъ съ работъ Твоимъ! Если же Святой и праведный Давидъ страшился онаго дня, молился о немъ и готовился къ отвѣту: то намъ ли не страшиться его, намъ ли не помышлять о немъ? рано или поздно, но непременно настанетъ для всѣхъ насъ грозный день и предъ очима нашими откроется страшное зрѣлище суда Божія. Содержа это постоянно въ памяти, будемъ, братіе, бдѣть и молиться; предваримъ наступленіе того страшнаго дня постомъ и слезами, покаяніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ своихъ. Страшно впасть въ руки праведнаго Судии и Отмстителя нечестивымъ: будемъ изъ глубины души, день и ночь вопіять къ человеколюбивому Господу Богу, истинному Отцу кающихся, да сподобитъ Онъ насъ по милости Своей, *христанской кончины живота нашего и добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ.*

Господи Боже! егда придеши на землю со славою, и трепещутъ всяческая; рѣка же огненная предъ судищемъ течетъ, книги разгибаются и тайная человековъ являютъ: тогда избави всѣхъ насъ отъ огня неугасимаго и сподоби насъ одесную Тебе стати, Судие праведный! Аминь.

Редакторы: Арх. Веніаминъ.

Прот. Ѡ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей Скрибинъ и священникъ Волковъ. Воронежъ. Февраля 28-го дня, 1869 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.